

Арвид Эрнефельт (Arvid Järnefelt)

Толстой

«Нет уголка России, который бы так или иначе не отозвался на призыв принять участие в торжествах» по случаю 80-летнего юбилея Л. Н. Толстого; «из медвежьих углов нашего отечества, отдаленной Индии и Австралии и из центров мирового движения человеческой мысли», – с гордостью за своего знаменитого современника заметил один из организаторов торжеств М. М. Ковалевский, подводя итоги 1908 года¹.

Среди тысячи приветственных телеграмм, полученных в Ясной Поляне, были и слова любви и признания из Финляндии. «Масститому старцу, просвещенному учителю современного поколения шлет свой горячий, полный глубокого уважения и благодарности привет группа финляндской молодежи и финляндских граждан. Да не умолкнет на многие лета живая совесть России»².

От финского и шведского союзов журналистов телеграммы опубликовала «Финляндская газета»: «Великому борцу России за правду и истину почтительный привет от финского союза журналистов Финляндии; Союз шведских публицистов в Финляндии посылает великому писателю горячий и искренний привет по случаю его 80-летней годовщины»³.

Юбилейные заметки о Л. Н. Толстом опубликовали и другие финские газеты: «Туö», «Helsingin sanomat», «Suomen

¹ Русские ведомости. – 1909. – № 1.

² Слово. – 1908. – № 553, 4 сентября.

³ Финляндская газета (Гельсингфорс). – 1908. – № 130, 29 августа.

Kanza», «Hufundstadbladet» (на шведском языке); «Savon Sanomat», «Kaja Karjala», «Wakka Suomi», «Tampereen Sanomat», «Lounais Neme», «Hametar», «Karjalensanomat», «Undenkaupungin», «Nya Pressen».

Информируя своих читателей о том, как ознаменовали день рождения писателя в провинции, газеты в подбор с сообщениями из Перми и Твери, дали отдельной, краткой, но много говорящей оппозиционному читателю строкой: «Гельсингфорс. 28 августа. Сегодня в шведском и финском театрах ставится “Власть тьмы” Л. Толстого». И затем мелким шрифтом – о бесплатной лекции о Л. Толстом на финском и шведском языках в люландском студенческом доме.

Сообщения о юбилейных мероприятиях в Финляндии подверстывались и к полученной информации из скандинавских стран.

В заметке о посвященных Толстому торжествах в Христиании корреспондент газеты, отметив, что все издания посвятили писателю восторженные статьи, подробно и с политическим подтекстом изложил программу вечера «в честь нашего великого юбиляра» в «Национальном» театре Христиании: русский гимн был признан «неподходящим к характеру» чествования и был заменен «элегией» Чайковского; перед бюстом Толстого, увенчанным трехцветными флагами и великолепным лавровым венком, было прочитано стихотворение Томаса Крага, в котором «наряду с благоговением к гениальному творцу “Войны и мира”» выражалась «скорбь за происходящую теперь в России “войну” и уверенность в скором наступлении “мира”».

После сыгранной оркестром увертюры Чайковского «1812 год», – продолжал свой рассказ журналист, – состоялся спектакль, но «эта пьеса Тора Гедберга с проникающим ее духом политической борьбы и даже террора менее всего гармонировала бы с Толстым и его идеями», ибо «несомненно навеяна историей убийства Бобрикова в Финляндии». Пьеса с успехом шла в Финляндии, пока «Новое время» не подняло против нее травлю, «и она была запрещена»⁴, – этой полемической репликой была завершена корреспонденция.

⁴ Речь. – 1908, 3 сентября.

Многие газеты в юбилейные дни поместили на своих страницах мнение о Толстом известного датского критика и общественного деятеля Георга Брандеса, оказавшего влияние на развитие литературы скандинавских стран. В своей статье он напомнил о недавних событиях, связанных с присуждением Нобелевской премии: «Как один человек, поднялись все выдающиеся писатели и поэты Швеции, отправили адрес Льву Толстому и сказали ему, что, по единогласному их мнению, кроме него, нет никого, кто был бы достоин первым получить эту премию... Смею сказать, что все причастные к скандинавской культуре: датчане, норвежцы и финны, – не задумались бы подписать здесь мнение шведских писателей.

Горячие чувства, которые мы питаем к нему, восхищение, вызываемое им, не зависят от того, разделяем ли мы его воззрения. Только совершенно незрелые люди сообразуют свою оценку с большим или меньшим совпадением своих взглядов с воззрениями великого человека... Он сделался совестью целого великого народа. Не совестью великой державы, хотя народ этот и составляет великую державу. С правительством и нынешней властью у него нет ничего общего... Он всю жизнь свою служит идее, которая была и остается чисто русской, идеей общности всех людей»⁵.

В рубрике «Из Финляндии. Срочная почта» прозвучало сообщение, перепечатанное многими газетами:

«Чествование Л. Н. Толстого. 31 августа в доме общества трезвости “Който” состоялся вечер, посвященный Толстому, на котором выступал с речами писатель-толстовец Арвид Эрнефельт и писательница Майля Тальвио». Более конкретно было обозначено содержание выступления финского драматурга Эйно Калима⁶. Он поделился своими впечатлениями от по-

⁵ Брандес Г. Лев Толстой // Русские ведомости. – 1908, 28 августа.

⁶ Калима (Kalima) Эйно (1882 – 1972) – финский филолог-славист (был стажером Московского университета), режиссер и театральный деятель, директор финского Национального театра (1917 – 1950), последователь системы К. С. Станиславского, один из лучших постановщиков чеховских пьес. См.: *Koskimies R. Suomen kansallisteatteri*. VV. 1902 – 1917. – Helsinki, 1953. – С. 181.

ездки в Ясную Поляну. И в завершении говорилось: «От присутствующих была послана Л. Толстому приветственная телеграмма»⁷.

В этой заметке шла речь о «финляндском единомышленнике» Л. Н. Толстого, известном финском писателе, переводчике, публицисте, общественном деятеле, оказавшем влияние на значительную часть интеллигенции начала XX века; ему принадлежит заслуга в знакомстве финской общественности с идеями Толстого – Арвиде Александровиче Эрнефельте (Arvid Jarnefelt, 1861 – 1932).

Его имя одним из первых называют среди финских писателей, на которых большое влияние оказала русская литература, творчество и личность Л. Н. Толстого, – Юхани Ахо (1861 – 1921), Юхани Эркко (1849 – 1906), Казимира Лейно (1866 – 1919), Теуво Паккалы (1862 – 1925), писавшего по-шведски К. А. Тавастшерны (1860 – 1898), входивших в группу «Молодая Финляндия», основавших ряд периодических изданий. Эрнефельт был основателем газеты «Paivalehti» в 1889 – 1890 годах.

«Финский писатель из Петербурга» – так называли А. Эрнефельта, как, впрочем, и всех финских писателей и публицистов, которые выросли в столице российской империи⁸. Огромное влияние на него оказала мать, представительница старого петербургского рода баронесса Елизавета Клодт фон Юргенбург (сестра известного профессора живописи М. К. Клодта) – одна из ярких личностей «золотого века» культуры Финляндии. Сохранив на всю жизнь лучшее из русской культуры и передав это детям, она сумела освоить финский язык, включиться в национальную жизнь Финляндии (иногда Елизавету Эрнефельт на-

⁷ Речь. – 1908, 3 сентября.

⁸ Карху Э. Г. История литературы Финляндии от истоков до конца XIX века. – Л.: Наука, 1979; в дореволюционной литературе о Эрнефельте см.: Тиандер К. Ф. Арвид Эрнефельт // Современный мир. – 1911. – № 7; Он же. Записки историко-филологического факультета Петербургского университета. Датско-русские исследования. – Ч. 113. – Вып. 2. – СПб., 1913; Егорова Т. Л. Толстой и Эрнефельт // Финляндская газета (Гельсингфорс). – 1916. – № 64 – 68, 70, 72, 73.

зывали «матерью финской литературы»); вместе с сыном проводила в жизнь идеи Льва Толстого.

Ернефельт окончил в столице Финляндии Гельсингфорсе юридический факультет университета, защитил диссертацию по филологии на русском языке в Московском университете. Его литературный дебют – роман «Отечество» («Isanmaa», 1893), в котором противопоставляется формальный патриотизм искреннему и конкретному чувству привязанности к своей малой родине.

В произведениях Ернефельта «Воспоминания моей молодости», «Счастливые», «Роман моих родителей» отразились и настроения безземельного финского крестьянства, и нравственные проблемы; в романе «Отечество» показана студенческая жизнь, в сочинениях на исторические темы, особенно в пьесе «Тит» («Titus»), заострена драма личной власти и моральной ответственности человека. Он написал «Судьбы человечества» («Ihmiskohtaloja», 1895), «Мое пробуждение» («Heraamiseni», 1894), «Идеал чистоты» («Puhtauden ihanne», 1897). Его творчество получило отклики в русской печати.

Судьбу Арвида изменила поездка в Ясную Поляну в 1899 году, о которой он поведал в книге «Дневник моей поездки в Россию». Религиозно-нравственное учение Л. Толстого покорило А. Ернефельта и повлияло на всю его дальнейшую жизнь. Свое духовное рождение под влиянием Л. Толстого он описал в книге: «Мое пробуждение» на финском и шведском языках. Перевод на русский язык пятнадцатой главы этой книги «Почему я не вступил в должность судьи» был сделан им вместе с матерью специально для Льва Николаевича и послан вместе с первым письмом к нему в 1895 году (в своем ответном письме от 22 декабря 1895 года писатель отметил «драгоценные черты правдивости» присланной книги).

О том, как он, сын сенатора, став последователем идей Толстого, отказался от «блестящей карьеры в сеймовой юридической комиссии», и старался претворять в жизнь свои идеалы, рассказано в исповеди «Мое пробуждение». Окончив университет, «превзойдя все юридические науки», Ернефельт под влия-

нием матери, глубоко воспринимающей толстовское жизненное понимание и пользующейся, по словам сына, всяким удобным случаем, чтобы «объяснять своего Толстого», в соответствии с толстовским учением полностью переменял весь свой образ жизни. Он переехал в деревню под Лохья, где занимался крестьянским трудом, сапожничал, обрабатывал землю. В своих книгах он показывал, что улучшение общества возможно лишь на основе перелома в душе каждого человека, а не внешним насилием или законодательными актами. Убежденный в том, что перенесённые в жизни невзгоды обязательно ведут человека к пониманию христианской любви, Эрнефельт был разочарован тем, что социальные потрясения не привели к религиозно-нравственному перерождению общества.

Толстой ценил «драгоценные черты правдивости и серьезности» Эрнефельта, «дорожил общением» с ним. У Толстого и его финского единомышленника сложились доверительные отношения. Его фотография находилась в кабинете Льва Николаевича. Он (и его дети), по словам секретаря писателя, представляли собою «поистине удивительных и необычных послов – гонцов высококультурной, своеобразной и далекой Скандинавии...»⁹. Они виделись всего два раза, «переговаривались» (как определил писатель) письмами.

В 1898 году, когда у Толстого вновь возникла мысль о возможном уходе из семьи, из Ясной Поляны и переселении в Финляндию, он обратился к своему финскому корреспонденту, с которым «никогда и не видались», прося его оказать «большую помощь» по делу, которое «должно остаться никому не известным, кроме Вас»¹⁰; в ответ Эрнефельт высказал «готовность служить Толстому»¹¹. Летом 1909 года предполагалось, что он будет сопровождать Толстого на XVIII международный конгресс мира в Стокгольм, но после отказа писателя от поездки и принятия

⁹ Булгаков В. Ф. Друзья и близкие // Тула. – 1978. – С. 350.

¹⁰ Толстой Л. Письмо А. Эрнефельту. 1898, 17 июля // Собр. соч.: в 22 т. – Т. 19. – С. 430.

¹¹ Эрнефельт А. Мое пробуждение (Исповедь) / пер. с финск. Е. К. Эрнефельт (матери писателя). – М., 1921. – С. 20.

решения послать лишь доклад, огласить его должен был, по поручению Льва Николаевича, Эрнефельт.

Они обсуждали близкие им темы: финский патриотизм и необходимость истинного религиозного сознания, литературу, общества трезвости, вмешательство русского правительства в дела Финляндии, русификацию, введение воинской повинности и массовые отказы от нее.

С горечью и негодованием писал об этом Толстой в статье «Не могу молчать» (1908): «...годами... говорят речи о том, как надо мешать финляндцам жить так, как хотят этого финляндцы, а непременно заставить их жить так, как хотят этого несколько человек русских...». Жесткая политика правительства в отношении Финляндии «быстро и бойко, по-герценовски, по журнальному» не раз предавалась огласке на страницах бесцензурных заграничных толстовских изданий «Свободного слова».

От имени финской общественности Эрнефельт неоднократно обращался к Толстому с просьбой высказаться в печати относительно притеснительных мер русского правительства: финские политические деятели просили Эрнефельта убедить Толстого выступить против отделения Выборгской губернии от Финляндии; в 1908 году общество было взволновано указом, по которому полномочия по рассмотрению законопроектов в финском княжестве перешли от премьер-министра Финляндии к Совету министров Российской империи.

В начале 1908 года Толстой писал Эрнефельту: «Что же касается письма ваших журналистов, то я никак не могу знать никакой Финляндии, так же как не знаю и не могу знать никакой России. Знаю я людей, живущих в разных местах земного шара, более или менее близких мне, никак не потому, что они по странному заблуждению считают себя поданными такого или иного правительства и привыкли говорить на том или ином языке, а потому, насколько мы соединены с ними одним и тем же пониманием жизни и взаимной любовью, вытекающей из такого понимания».

Далее, имея в виду, видимо, убийство финляндского генерал-губернатора Бобрикова, Толстой утверждал: «Нет никакого

условия жизни, при котором люди... могли бы совершать такие ужасные преступления, как те, которые совершаются во имя патриотизма. Понимаю я, что угнетенные народности, как польская, финляндская, могут особенно легко поддаваться этому страшному искушению, но все-таки не могу без жалости думать о людях, которые поддаются ему. Вот все, что я могу сказать им»¹².

Писатель размышлял над «финским вопросом» с чувством вины за столыпинскую политику. «Вряд ли, – говорил Толстой, – найдется финн, который бы так страдал за Финляндию, как я».

В связи с финским вопросом Толстой размышлял о национальных проблемах, о патриотизме; важные замечания писателя зафиксированы Д. П. Маковицким: 20 июня 1908 года – «Л. Н. стал говорить о том, как теперь во всем мире (в России поляки, прибалтийские, финляндцы, кавказские народы, английская Индия, французский Тонкин и т. д.), захваченные чужими государствами, желают освободиться: “Дайте нам жить, как мы хотим”. После бесчисленных насилий, совершив захват, когда народ после одного-шести лет шевелинется, это считается бунтом, и забыто, что над ним совершено так недавно насилие и что оно продолжается»; 3 ноября 1908 года – «Толстой говорил что патриотизм – это внушение суеверия; предание, не соответствующее нынешнему сознанию (русских людей). Величие России! Все выгоды его в том, что финляндцы нас ненавидят, кавказцы нас ненавидят»¹³.

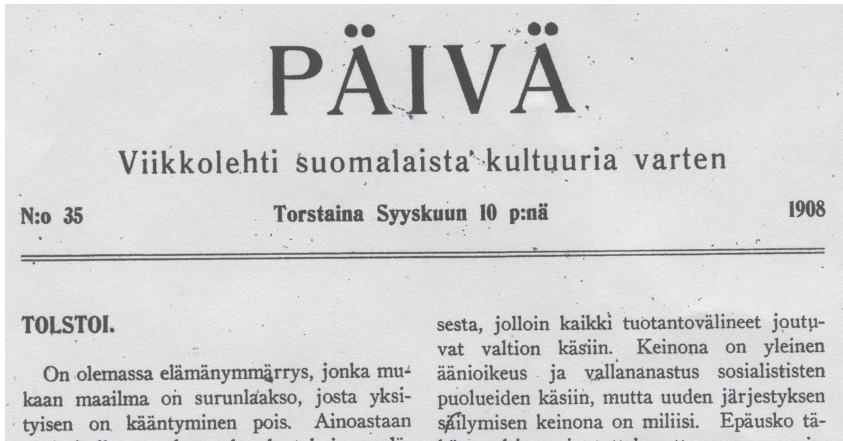
Толстой считал, что с христианской точки зрения не может быть никаких национальных – польских, финских, кавказских, еврейских – вопросов, отношение к людям не может зависеть от их национальности. «В Финляндии живут прежде всего люди, а не “финны”», – утверждал Л. Толстой. В письме Ернефельту из Гаспры в 1902 году больной писатель с горечью признавался:

¹² Толстой Л. Письмо А. Ернефельту. 1908, 28 февраля // Полн. собр. соч. : в 90 т. – Т. 78. – С. 71.

¹³ Маковицкий Д. П. Яснополянские записки. У Толстого. 1904 – 1910. – М. : Наука, 1979. – Кн. 3. – С. 120, 240.

«Я так и умру с уверенностью, что “близко, при дверях” изменение всего существующего строя от лжи и насилия к разуму и любви не только в Финляндии или России, но и во всем христианском мире»¹⁴.

К 80-летию Л. Н. Толстого на страницах финского журнала «Paiva»¹⁵ («День») Арвид Эрнефельт опубликовал небольшую и необычную для юбилейного жанра статью, которую сам юбиляр оценил очень высоко. «Статья Ваша, милый Арвид, – обращаясь знаменитый писатель к автору публикации, – прекрасна, и хорошо было бы напечатать ее в русской газете. Рад общению с Вами, потому что люблю и помню Вас»¹⁶.

Существует пять не-толстовских мировоззрений.

1. Церковное, по которому настоящее время и весь этот видимый мир является долиной скорби, от которой человек должен отвернуться для приобретения загробного будущего блаженства, с верой в учение церкви и повинувшись церковным

¹⁴ Толстой Л. Н. Письмо А. Эрнефельту. 1902, 14 марта // Полн. собр. соч. : в 90 т. – Т. 73. – С. 217.

¹⁵ Paiva. – 1908. – № 35.

¹⁶ Толстой Л. Н. Письмо А. Эрнефельту от 25 августа 1908 г. // Полн. собр. соч. : в 90 т. – Т. 78. – С. 210.

и государственным властям. Настоящее же время и мир остаются навсегда злом.

2. Мировоззрение государственное, по которому мир не только не улучшается, но впал бы в величайшие бедствия войны против всех, если бы не было государственного насилия, благодаря которому, при помощи армии и духовенства, жизнь мира доводится до той высшей возможной степени совершенства, которая проявляется в существующем общественном строе. Для достижения же загробного блаженства требуется повиновение не только государственным властям, но еще и требованиям церкви.

3. Мировоззрение так называемых «реальных политических деятелей», или «либералов», по которому существующий строй вовсе не наилучший возможный, а должен свободно развиваться в прогрессивном направлении на исторических началах. Для этого надо предоставить народу свободу развития и в то же время конституцией установить такой порядок, чтобы руководителями этого развития избирались не государственники-консерваторы, а либералы. Все веры будут терпимы. Нетерпимым будет только неверие в «конституционное» правительство, охраняемое воссозданной на новых началах армией и переустроенными тюрьмами.

4. Мировоззрение *социально-революционное*, по которому общественный строй должен измениться отнюдь не путем исторического постепенного развития, а осуществлением совершенно вымышленного идеала товарищеских отношений между людьми, выраженного в учениях социализма о переходе средств производства к государству. Потому и сам переворот будет совершаться не постепенно, сам собой, а разом, внезапным подъемом народной энергии, т. е. революцией. Приближение этого момента зависит от усиления пропаганды в народе и от перехода политической власти в руки социалистов. Власть эта будет охраняться не армией, а милицией.

Вера же или неверие дело вполне частное. Ненужное. Нужна только вера в социалистический идеал будущего. В настоящем же улучшения жизни людской не только не желательны, но прямо вредны, так как отвлекают от веры в полное улучшение порядка в будущем.

5. Мироззрение *анархическое*, по которому все зло, мешающее естественному общежитию мира, происходит от духовенства, государственников, либералов и революционеров, считающих каждый по отношению к себе необходимым достижение и удержание власти над людьми посредством организованного вооруженного насилия. Улучшение мира может произойти только уничтожением всех властителей. Средством же этого уничтожения властителей не может служить ни армия, ни милиция, так как обе обуславливаются опять-таки командующей ими властью; но уничтожение должно совершаться все возрастающим числом отдельных, никому неподвластных террористов. Религия же или нравственное чувство, запрещающее такое насилие ради будущего, ничто иное, как бред.

Вот пять *не-толстовских* мироззрений. В них замечается общая черта: противоречие между идеалом будущего и средствами осуществления этого идеала в настоящем. Все эти средства: церковная нетерпимость, войны, борьба за власть, революция, бомбы – все они возбуждают в настоящем враждебность между людьми, то есть нечто, не приближающее к идеалу будущего, а отдаляющее от него.

По *толстовскому* же пониманию жизни, именно настоящее время есть единственная вечность, в которой люди могут найти истинно освобождающую их жизнь, и потому стремление к добрым делам в настоящем никак нельзя заменить дурными делами во имя какого бы ни было будущего. И потому для свободной жизни в настоящем необходимо отказаться не только от употребления всякой власти над людьми, но и от повиновения всем таким повелениям властителей, которые во имя будущего требуют от человека дел, сейчас возбуждающих

между людьми враждебность. Мир же улучшается только по мере просветления в людях этой истины.

Таким образом, толстовское жизнепонимание является единственным, в котором цель совпадает со средствами. И именно благодаря этому совпадению оно и является для человечества религией...

1908 г.

Печатается по: Эрнефельт А. Мое пробуждение (Исповедь) / пер. с финск. Е. К. Эрнефельт (матери писателя). – М., 1921. – С. 30 – 32.

*Вступительная статья,
публикация и примечания Ю. В. Аникеева,
студента IV курса международного отделения
факультета журналистики МГУ*